

**ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАЗДНИКОВ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН
FEATURES OF PUBLIC HOLIDAYS OF KAZAKHSTAN**

**Ш.Ж. ТУРДАЛИЕВА
SH.ZH. TURDALIEVA**

*старший преподаватель, Южно-Казахстанского государственного университета им. Мухтара Аvezова
senior lecturer, South Kazakhstan State University Mukhtar Avezova
e-mail: mgukidissov@mail.ru*

Ключевые слова: сущность, государственные праздники, Республика Казахстан.

Key words: nature, public holidays, the Republic of Kazakhstan.

Аннотация: В статье анализируется сущность государственных праздников Республики Казахстан. Автор рассматривает государственные праздники и зрелища в Республике Казахстан, выражающие основу праздничной культуры, которая приобретает характер дуалистической модели, выступая, с одной стороны, как способ этнокультурной идентификации, с другой - как форма социокультурной манифестации структуры власти.

Abstract: The article examines the nature of public holidays of the Republic of Kazakhstan. The author examines public holidays in the Republic of Kazakhstan spectacle expressing basis festive culture, which assumes the character of a dualistic model, speaking on the one hand, as a method of ethnic and cultural identity, on the other - as a form of social and cultural manifestations of the power structure.

В Республике Казахстан отмечаются национальные праздники, государственные праздники, профессиональные и иные праздники. Государственные праздники – это праздники, посвященные событиям, имеющим общественно - политическое значение, а также традиционно отмечаемые гражданами Республики Казахстан. Празднование государственных праздников может сопровождаться проведением официальных мероприятий.

Государственные праздники и зрелища в Республике Казахстан, выражают основу праздничной культуры, которая приобретает характер дуалистической модели, выступая, с одной стороны, как способ этнокультурной идентификации, с другой - как форма социокультурной манифестации структуры власти.

При этом государственные праздники в Республике Казахстан, как и праздничная культура в целом, имеют глубокие исторические корни; их возникновение, формирование и развитие обусловлены, в первую очередь, сменой социокультурных систем, при этом традиционные обрядово-ритуальные формы народных праздников, которые выполняют роль сдерживающего фактора, своеобразного «тормоза» национализма в многонациональном государстве.

Конечно, государственные праздники в Республике Казахстан имеют достаточно сложную структуру, как в плане возникновения, так и в плане реализации, выступая полифункциональным явлением, где наибольшую значимость в современном многонациональном мире они приобретают функции: идеологическая, социально-интегративная, функция трансляции социального опыта, а также коммуникативная, компенсаторная, эстетическая и эмоционально-психологическая.

Различная многофункциональность государственных праздников Республики Казахстан возникает на спектре национальных пониманий мира и представлений о «человеке вообще». Здесь логика, философия этого понимания исходят из точки понимания и дедуцируют части Единого Целого, как «атрибуты» и «субстанции». Но это понимание довольно сложное. Оно невольно сдвигается и сливается у каждого народа со своим центром. Уразумение этого факта является исходным и тогда возникает проблема национальных логик.

Поэтому вся история человечества и его разнообразия культуры - это история организационных форм, с помощью которых происходит приспособление человека к

окружающей его природной среде. Первичное организационное приспособление человеческого или глобального общества определяется социальным инстинктом, внешне объединяющим членов общества в целое.

Для полного описания «глобального общества» необходимо учитывать разные темпы изменений в разных системах, например, французский социолог Ж. Гурвич (3), опираясь на некоторые идеи М. Блока, предлагает выделить три временных ритма:

- время большой длительности (*longue duree*) - время географических, материальных и ментальных структур, «квазинеподвижное», в котором перемены не ощущаются;
- время средней длительности - время конъюнктур, циклов, исчисляемых десятилетиями;
- краткое время - время событий.

Признавая, что «тотальное» описание возможно лишь при учете всех систем «глобального общества» и всех временных циклов, сосредоточивает Ж. Гурвич свое внимание на экономике и материальной жизни и, отсюда, на «времени большой длительности» (3).

И тут становится ясным, что нельзя понять национальные отличия в линейном ряду: сравнивая поэзию - с поэзией, язык - с языком. Наблюдения отличий добываются, но каждый раз встает вопрос: «ну и что из того?», «а смысл-то каков тут?».

И вот когда о смысле наблюденного встает вопрос, то уж никуда не деться, один путь: на выход к целостности национальной Вселенной. Ибо от нее свечение в каждой детали: в позе, в жесте при «да» или «нет», в космогонической гипотезе, в музыке, в изображении времен года в поэзии...

Когда в науке исследуются национальные особенности чего-то одного - например, славянского романтизма в литературе, - всегда совершается выход к нелитературе: привлекаются обычаи старины, психики, картины природы: горы, леса, степи... - отсюда черпают материал для «особенностей».

Но такие частичные соображения раздражают случайностью утверждений, необязательностью. Ум ищет, домогается до первоисточника. И он в национальной целостности, которую составляют: природа, этнос, язык, история, быт и т.д. Ее надо понять как особую систему взаимоотношений элементов. Элементы бывают разные, а если сходные с другими народами, то все равно выступают в особых сочетаниях.

Целое - это по крайней мере объем. А логика - это линейность последовательного движения, блюдет строгость уровней и плоскостей анализа, требует сопоставлять однородное с однородным. И вот ее инструментарий, оказывается, проскакивает через целостность, не зачерпывая ее. И в ходе многих попыток прорисовалось: нарушение рядности - как принцип познания целостности, объема; что логика типа «в огороде бузина, а в Киеве дядька» тут лучше работает.

Надо высказывать из монотонии как можно к более отдаленным друг от друга проявлениям национальной жизни - тогда дыхание целостности сильнее проявляется и улавливается.

Танец вальс и система Коперника однажды ослепительно просветили друг друга - как конгениальные образования в культуре Нового времени: двойное вращение особи (Земли, «плоти единой») – вокруг своей оси («я») и в поле-зале социума вокруг его центра (Солнца) - наиболее адекватно соответствовало мироощущению «доброе старое» Нового времени Европы от Ренессанса до XIX века включительно.

И недаром в XX веке с появлением теории относительности и вальс отошел в старомодность, уступив место квантово-волновым, фазовым биениям современных танцев.

Каждая деталь национальной целостности соотнесена с другой, далекой, и они объясняют друг друга. Потому здесь, в познании целостности, не могут действовать запреты сравнивать разноуровневые вещи, как это принято в строго тектоническом

структурализме.

Именно это и дает силовое поле Целого испытать-измерить. Все же перебрать нельзя, потому и приходится прыгать с отсека на кусок. Никогда строгой логике не удавалось зачерпнуть национальные отличия, дать их строгое описание (именно потому, что она не в силах работать с разнородным и разнорядным материалом), а вот анекдот - пожалуйста, берет курьез, а из него Целое просвечивает.

Образ, способный связывать разнородное, оказывается адекватной гносеологической формой для познания национальной целостности. Но тогда исследователь сам в первую очередь должен снять с себя строго логические заклęcia и запреты - и позволить себе самому прибегать к образному мышлению. Но тогда он теряет логическую обязательность, формальную принудительность выводов своих положений. Да - но зато выигрывает в содержании.

Он показывает, а не доказывает, и убеждает не «де-юре», а «де-факто»: тем, что как можно в более разнородных элементах национальной целостности обнаруживает связь и взаимное лицезрение. Тем больше полнота и резче глубина изображения, чем смелее проложенные там просеки и борозды (2).

Именно казахская народность, прошедшая долгий период формирования, в процессе которого принимало участие множество племен и народов, занимает важное место в истории Евразии и является одним из древнейших этносов. Она является преемницей культурного наследия всех народов, принявших участие в ее становлении, поэтому казахский народ – один из богатейших народов в культурном плане.

Культура казахов вплоть до XX века оставалась кочевой, но не смотря на это за многие тысячелетия прошла путь развития не менее сложный и интересный культур других народов. Кочевые казахи выработали свой способ мышления и общественной организации, которая является синтезом познавательных форм Запада и Востока.

В результате этого смещения наибольшее развитие получили празднество по поводу рождения сына. Поскольку жизнь и благополучие зависели от выносливости, силы, ловкости и смекалки, особое внимание в степи уделялось привитию детям этих качеств с самого раннего детства. Поэтому многие казахские обряды, так или иначе, связаны с рождением, детством, юношеством и совершеннолетием молодого человека.

Например, на шильдехане - празднестве по поводу рождения сына, состоятельные люди делали щедрые угощения с приглашением жителей не только своего, но и соседних аулов, устраивали состязания певцов, джигитовку на конях.

Ребенка нередко нарекали именем почитаемого в ауле человека. Бывали и случаи, когда давали ребенку первое попавшееся, ничем ни приметное, порой даже весьма непристойное имя, для того, чтобы рос он не на виду здоровым и крепким.

Вообще, чтобы понять Эрос казахов надо провести ассоциацию с простором, пути-дороги, разлука. Целостность слагается в ходе исторического диалога (или полилога) действующих в ней сил: Мать-сыра земля (таков тут тип матерински-женского начала) имеет на арене своего тела, протяженного во Времени и Пространстве, поединок двух главных сил, ее любящих: Народ и Свет + Ветер - неологизм, шальной, удалой возлюбленный, привольный дух Востока.

И главный здесь элемент, и фокус, и инструмент - это мгновенный перенос (метафора) от subtilно-духовных явлений к грубо материальным вещам, минуя опосредствующие звенья, в которых велит увязнуть логика. Приведение прежде всего к Природе.

При этом Этнос, язык, психика, обычаи казахских праздников на протяжении всего времени развития подвержено изменениям. Главное же то, что постоянно питает и расширенно воспроизводит казахский народ национальную целостность, - это природа, где совершается история данного народа. Она - Прародина ему. Народ ей и сын и супруг (как Уран Небо для Геи-Земли). Народ и страна, присущи, друг другу, что составляют «плоть единую», меж ними взаимно однозначное соответствие.

Природа для казахов - это не «географическая среда». Это – Матерь (я). Было и есть такое направление «географизм» - в описании всех народов и их свойств. Этот подход плосок, потому что сами элементы природы трактуются в нем плоско - в рядности науки географии, и объяснение получалось механично.

Но если Природу понимать так, как ее толкуют народ, и фольклор, и поэзия, тогда она - Великая Матерь (я) и, как мать-кормилица и заботница, излучает душу - Психею, ее явления сочатся смыслом. Природе - это заповеди, скрижали и письма самого Бытия, в которые надо вникнуть и расшифровать данному народу. Природа источает волю быть - и на то идет история народа. Так мы выходим на решающий узел проблем: соотношение в национальном - природы, народа, истории, культуры (4).

Так в повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» герой вспоминает, как «раскулачили» юрту и предложили взамен брезентовую палатку... «Но что это за жилье? Ни встать, ни сесть, ни огня развести. Летом невозможная жарница, зимой собаку не удержишь от холода. Ни тебе вещи расставить, ни кухню устроить, ни убрать по красивей. А гости появятся - не знаешь, куда их приткнуть. - Нет-нет! - отказывалась Джайдар. - Как хочешь, а в палатку я жить не пойду. Палатка для бессемейных разве, и то на время, а мы с семьей, у нас дети. Купать их надо, воспитывать, нет, не пойду» (1).

Тут полный дан анализ юрты как явления Культуры - и в хозяйственно-экономическом (а потом оказалось, что отгонное животноводство немыслимо без юрт), и в семейно-бытовом (как очаг), и в нравственном аспектах (детей воспитывать). Как он мог не видеть в юрте удивительное изобретение своего народа, где каждая мельчайшая деталь была точно выверена вековым опытом поколений? Брезентовая ж палатка – элемент другой культуры, не на этот космос рассчитанный.

Ведь что есть Культура - это совершенство в своем роде. Янки при дворе короля Артура бескультурены, как и Ахиллес в эпоху пороха и свинца: здесь оба они попадают в чужой род-огород, и каждый из них, который есть совершенство в своем роде, в своем отечестве пророк, - в чужом оказывается нелепостью.

Жизнь долгой работой естественного отбора создает высокую культуру животных и растений, идеально прилаженных к данному космосу: саксаул аксакал пустыни, карликовая береза мастер Севера и т.п. Но подобно и люди-племена, поселившиеся на тех или иных пупырях или вмятинах Земли, среди лесов или среди снегов, в ходе труда-производства из здешних материалов развивают совершенную по данному месту породу культуры.

При этом гораздо более сложная задача стоит перед внутренней организацией национального культурного общества - сделать понимаемое и переживаемое каждым членом общества общим достоянием и для других членов, сохранять и передавать коллективный опыт во времени и в пространстве.

Национальный образ мира есть национальной образ Природы в Культуре. Только ее вливание в дух, своего рода космофию, надо суметь прочитать. Для этого разработана у каждого народа своя методика и метаязык.

В качестве такового принимается древний натурфилософский язык четырех стихий. Земля, вода, воздух, огонь, понимаемые расширительно и символически, суть слова этого языка, его морфология, а его синтаксис - это Эрос (Любовь-Вражда Эмпедокла, притяжение-отталкивание Науки).

Сам акт наложения древнего языка четырех стихий через головы двух-трех тысячелетий на современность, заарканывая и отождествляя концы и начала духовной истории человечества, есть фундаментальная метафора (перенос) и образует метафорическое поле, с которого посредством дедукции воображения и воображением (иль имагинативной дедукции - означим это дело так для любителей иностранных терминов: тогда оно пребудет в научном законе) снимается богатый урожай образов и ассоциаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г. Национальный космо-психо-логос / Г. Гачев // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 59-78.
2. Гачев Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. М.: Советский писатель, 1988. С. 326.
3. Гурвич Ж. Диалектика и социология/ Перевод с фр. яз. М.М. Кириченко; науч. ред. О.А. Оберемко. Краснодар, 2001.
4. Ускоренное развитие литературы (На материале болгарской литературы первой половины XIX века). - М., 1964; Образ в русской художественной культуре, - М., 1981; Чингиз Айтматов и мировая литература. - Фрунзе, 1982; а также статьи: О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. - 1967. - №1; О русском и болгарском образах пространства и движения // Поэтика и стилистика русской литературы. - Л., 1971; Космос Достоевского // Проблемы поэтики и истории литературы (сборник к 75-летию М.М. Бахтина). - Саранск, 1973: Гроздь и Гранат. Грузия и Армения (О национальной символике в кино) // Литературная Грузия, - 1979. - №7 и др.